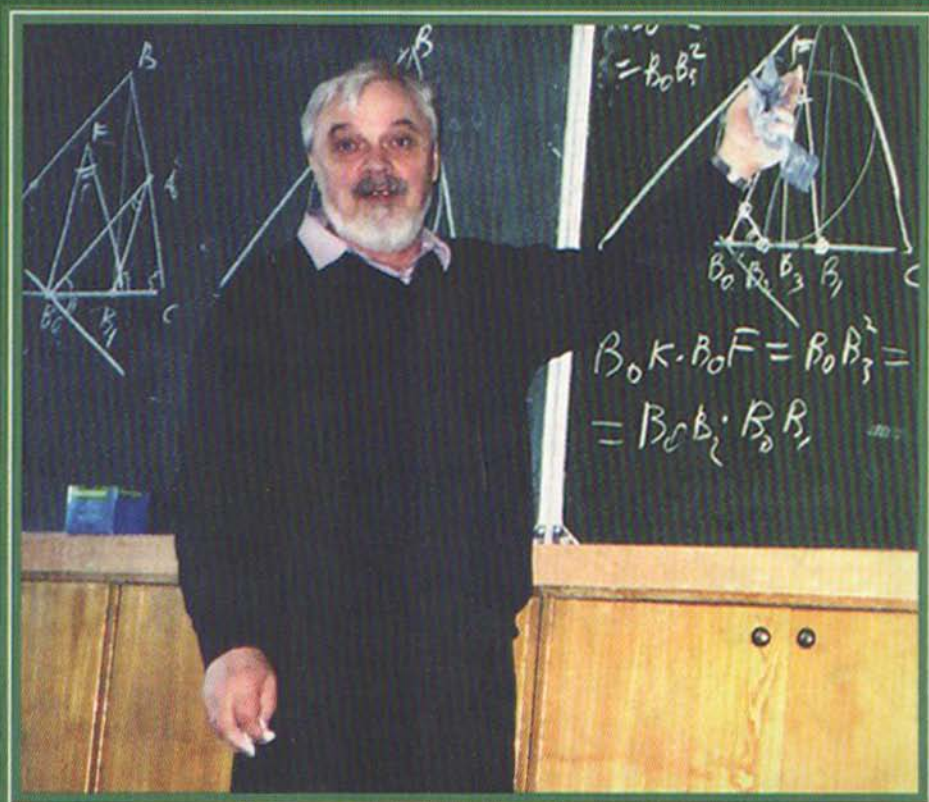

ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ ШАРЫГИН

К семидесятилетию
со дня рождения

ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ ШАРЫГИН

К 70-летию со дня рождения

Составители: А. А. Заславский, В. Ю. Протасов,
Д. И. Шарыгин

Москва
Издательство МЦНМО
2007

УДК 51(07)
ББК 22.1
И26

Игорь Фёдорович Шарыгин. К 70-летию со дня рождения / Сост. А. А. Заславский, В. Ю. Протасов, Д. И. Шарыгин. — М.: МЦНМО, 2007. — 304 с., 8 с. ил.

ISBN 978-5-94057-281-7

В книге собраны различные материалы, связанные с жизнью и деятельностью выдающегося педагога и учёного, популяризатора науки Игоря Фёдоровича Шарыгина (1937–2004), его статьи и воспоминания о нём.

Отдельная часть книги содержит задачи и подробные решения геометрических олимпиад им. И. Ф. Шарыгина, проводимых с 2005 года.

Книга предназначена для всех интересующихся вопросами математического образования, школьных учителей и руководителей кружков.

ББК 22.1

ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ ШАРЫГИН

К 70-летию со дня рождения

Редактор Быкова М. Г.

Подписано в печать 15.04.2007 г.

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ. л. 19.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Издательство Московского центра
непрерывного математического образования.

119002, Москва, Большой Власьевский пер., 11. Тел. (495)-241-74-83.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“».
119099, Москва, Шубинский пер., 6.

Книги издательства МЦНМО можно приобрести в магазине «Математическая книга»,
Большой Власьевский пер., д. 11. Тел. (495) 241-72-85. E-mail: biblio@mccme.ru

ISBN 978-5-94057-281-7

© МЦНМО, 2007.

Оглавление

От составителей	4
---------------------------	---

И. Ф. Шарыгин о математике и не только о ней. Избранные статьи и выступления

О себе	6
С клёна падают листья ясеня... или Ностальгия по 37 году	11
Где ошибка?	47
Откуда берутся задачи?	52
Нужна ли школе XXI века Геометрия?	72
Образование и глобализация	89
Нестандартный стандарт	116
О реформе образования, коррупции и геометрии	122
Рассуждения о концепции школьной геометрии	133

Воспоминания об И. Ф. Шарыгине

<i>Л. Н. Ерганжиева.</i> Геометр	184
<i>В. Ю. Протасов.</i> Несколько слов об Игоре Фёдоровиче Шарыгине	186
<i>В. М. Тихомиров.</i> Об И. Ф. Шарыгине (осколки воспоминаний)	190
<i>И. Б. Чернышёва.</i> Воспоминания об И. Ф. Шарыгине	197
<i>В. В. Яблонская.</i> Яблоки пахнут жизнью	201
<i>В. Ю. Протасов, В. М. Тихомиров.</i> Геометрические шедевры И. Ф. Шарыгина	202

Олимпиады им. И. Ф. Шарыгина

Первая олимпиада (2005)	219
Заочный тур	219
Финальный тур	257
Вторая олимпиада (2006)	273
Заочный тур	273
Финальный тур	290
Третья олимпиада (2007)	302
Заочный тур	302

От составителей

13 февраля 2007 года исполняется 70 лет со дня рождения Игоря Фёдоровича Шарыгина (1937–2004). Эта книга является попыткой отдать дань памяти этому замечательному человеку, талантливому математику и выдающемуся педагогу.

В первой части книги содержатся воспоминания Игоря Фёдоровича и некоторые из его статей и выступлений, посвящённых проблемам математического образования. Особое внимание в этих работах уделено элементарной геометрии, которая всегда была главной любовью Игоря Фёдоровича.

Во вторую часть вошли воспоминания об Игоре Фёдоровиче его коллег, друзей, учеников. Здесь же приведены наиболее яркие из многочисленных придуманных им задач.

В третьей части собраны материалы геометрических олимпиад, которые проводятся в память И. Ф. Шарыгина начиная с 2005 года.

*И.Ф.Шарыгин о математике
и не только о ней*

Избранные статьи и выступления

О себе

Как-то в детстве я, Шарыгин Игорь Фёдорович, родившийся 13 февраля 1937 года в Москве, отождествив самого себя со своим обозначением, или координатами, был поражён пронизательностью своих родителей. Каким образом они догадались, что я есть именно Игорь, а не кто-либо иной? Происхождение двух других координат было достаточно очевидно.

Далее по анкете. Русский. Ранее беспартийный, ныне неверующий. Несудимый, а значит, и нереабилитированный.

Отец — уроженец Башкирии (родился под Стерлитамаком), из бедной семьи. После 1917 года вступил в комсомол и стал первым секретарём укома Башкирии, был делегирован на III съезд комсомола, тот самый, где выступал Ленин, вступил в партию и остался в Москве. (Ранее в Музее революции в Уфе был стенд, посвящённый моему отцу.)

Мать была седьмым или восьмым ребёнком в бедной еврейской семье (всего было 11 детей, но многие умерли в младенческом возрасте, кажется, лишь пятеро дожили до зрелого возраста), проживавшей до революции за чертой оседлости в Гомеле. В начале 1920-х годов она приехала в Москву с сестрой, больной раком, где и познакомилась с отцом.

До революции 1917 года возникновение подобных супружеских пар было теоретически исключено. У нас дома по воскресеньям готовили фаршированную щуку и сибирские пельмени. Возможно, главная заслуга большевиков перед Россией, как это ни кощунственно и цинично звучит или выглядит, как раз и состоит в генетическом улучшении российской нации. Особенно поначалу, когда Россия превратилась в гигантский котёл, или, если угодно, тигель, в котором перемешались и переплавились не смешивавшиеся ранее и не смешиваемые породы, т. е. социальные слои. Поколения, родившиеся в 1920-30-е годы, дали невиданное количество классных учёных и деятелей искусства. И многие — в первом колене. К сожалению, и говна много оказалось. Селекционерами большевики оказались скверными. Особенно это ясно сегодня. Впрочем, глядя на остальную мир, понимаешь, что с селекцией всюду плохо.

К началу войны отец занимал ответственный пост в системе Министерства финансов. После начала войны стал заместителем начальника управления по финансированию строительства оборонных объектов, но ушёл добровольцем на фронт (лишь после третьего заявления с него сняли бронь) младшим лейтенантом в пехоту. Окончил войну майором и демобилизовался.

Сначала снова дали высокую должность, но поругался с министром Зверевым (послал на... Надо сказать, что отец всегда говорил: ругаться можно с начальником, нельзя ругаться с подчинёнными) и был отправлен на курсы повышения квалификации (у него практически не было образования), после окончания которых был значительно понижен в должности (переведён в район). До конца жизни был активным коммунистом (явно) и самогонщиком (для личного употребления и тайно). Мать после рождения (в начале войны) моей младшей сестры (ещё есть старший брат) нигде не работала. Никто из близких не был репрессирован, и я искренне плакал, узнав о смерти Сталина. В настоящее время я живу с семьёй: жена, два сына, 1974-го и 1976-го годов рождения. Все четверо окончили мехмат МГУ.

Математикой увлёкся с пятого класса. Учитель математики, Царик Илья Терентьевич, отправил меня на районную, а затем на городскую олимпиаду, где я успешно выступил. Понравилось решать интересные задачи. В 9-м классе пошёл в кружок при МГУ (руководители Бахвалов и Крылов). Наибольший успех в математике пришёл именно в то время, я сумел решить одну очень трудную задачу по элементарной математике (про точку Торричелли). Думал целую неделю. С тех пор потихонечку деградирую (в смысле математики).

В общем, я вполне самостоятельно (с добавлением кружка, школа не в счёт) занимался математикой и, естественно, пошёл на мехмат. Прошёл собеседование (серебряная медаль) и поступил. Практически все задачи, предлагавшиеся мне во время собеседования, я знал. И об этом информировал экзаменаторов: «Эту задачу я тоже знаю». Очевидно, при подготовке мы пользовались одинаковыми книгами и информацией. Тон, правда, задал сам экзаменатор, укорив, что я быстро решил первую задачу лишь потому, что знал её. Ошибся один раз на самой простой и чисто школьной задаче, почему-то решив, что тангенс — это косинус, делённый на синус (я не понимал логики, почему это — тангенс, а то — котангенс, а не наоборот), но мне это простили.

Памятные моменты учёбы? Их очень много. Но вылезают какие-то пустяки. Как Вадим Аркин в течение пяти минут объяснял полковнику Блинову, что опоздал на две минуты 17 секунд. Блинов терпеливо ждал и подытожил: «Не будем мелочными. Запишем две минуты». Кстати, тот

же Блинов дал Рождественскому исчерпывающую характеристику из трёх букв (!): «Вял».

Или как Стасик Кудрин сдавал на втором курсе зачёт по интегралам с параметром Камынину. Сначала за него решали мы, находясь в коридоре и подсовывая решения под дверь, потом нам, не ведая о том, помог Исаак Аронович Вайнштейн, решив задачу, с которой мы общими усилиями не могли справиться. После чего Камынин и вовсе озверел и дал Стасу неберущийся интеграл. Когда мы указали ему на это (раскрасневшийся Камынин вышел в коридор), он заявил: «У меня Кудрин всё возьмёт». И тот таки взял интеграл, сделав замену $x = \ln t$. Камынин с удовольствием сообщил нам об этом, после чего поставил зачёт.

Или как Кузнецов получил по анализу-3 у Пал Сергеевича Александрова сначала два, а на пересдаче пять, не сказав ни одного (!) слова ни в первый, ни во второй раз. Как я сам получил три по политэкономии, хотя просил поставить мне два и даже требовал задать для этого ещё один вопрос. Затем, наученный горьким политэкономическим опытом, стал любимым учеником у преподавателя диамата Куроедова. Понимая, что нормальным путём мне этот предмет не сдать, совершил ряд гнусностей, например, во время перекура притворился болейщиком «Спартака». При этом умудрился не выступить ни на одном семинаре. Правда, перед каждым семинаром говорил преподавателю: «Я дома подумал и понял, что Вы были правы». Попытался было на халяву сдать через год тому же Куроедову истмат. Билет списал. Но тот зачем-то дал дополнительный вопрос: «Когда возникли нации?». Мой ответ — «Давно» — его не удовлетворил. С третьей попытки я попал в цель — перечислил в хронологическом порядке все известные мне общественные строи, пока не добрался до капитализма. Преподаватель очень сожалел, что никак не может поставить мне пять и приглашал на пересдачу. Вообще, для меня сдача зачётов и экзаменов по общественным дисциплинам, начиная с зачёта на первом курсе и кончая госом и даже вступительным в аспирантуру и кандидатским, — череда курьёзов и пакостей (с моей стороны).

Математикой, не считая учебной, во время учёбы практически не занимался, а после второго курса занимался лишь в сессию. Ткнулся пару раз на какие-то научные семинары, но, ничего не поняв, бросил. Об этом сейчас весьма сожалею.

В общественной жизни практически никакого участия не принимал. Не имел нагузков, не посещал собраний, не ездил ни в колхозы (один раз поехал, но сбежал через два дня, вызвавшись сопровождать Глеба Еремеева), ни на целину. После окончания мехмата был оставлен в аспирантуре, причём не по той кафедре, которую кончал. Помог по старой памяти Коля Бахвалов, согласившийся стать моим руководителем,

сначала дипломным, а затем и в аспирантуре. Удалось за последний оставшийся до защиты месяц состряпать неплохой диплом. Одну теорему мне, по сути, подарил Бахвалов, а другую удалось доказать самостоятельно. Позже, когда я готовил первую публикацию, Бахвалов лично вычеркнул благодарность себе.

После аспирантуры работал в МГУ. Сначала на мехмате, а затем на ВМК. Сдуру, а точнее спьяну, подписал, не читая, какое-то письмо в защиту Есенина-Вольпина, которое мне в вестибюле МГУ подсунула Ира Кристи. (Да ещё заставил подписать Кондратьева — профессора с кафедры дифуров.) В тот же вечер об этом письме сообщил «Голос Америки». (Ира же уверяла, что письмо в родное ЦК, и про Америку ничего не говорила.) Когда перечислялись подписи, я оказался в числе «и другие». Да и Кондратьев тоже. Оказались мелковаты для «Голоса». Но было бы нечестно утверждать, что подписание письма стало основной причиной моего ухода из МГУ. После ухода из МГУ в 1972 году, по сути, начал новую жизнь.

Особых званий нет (кандидат и доцент на нашем курсе не в счёт), государственных наград и премий и вовсе никогда не было. Сейчас занял некоторую международную позицию. Являюсь членом Исполкома международной комиссии по математическому образованию (1999—2002 гг.) В настоящее время числюсь (согласно записи в трудовой) заведующим лабораторией геометрии в Московском центре непрерывного математического образования (вся лаборатория — это я сам). Есть и другие места работы, точнее зарабатывания. Основной источник доходов — авторские гонорары за книги. Всего издал порядка 40 книг. Все после 1986 года. Рекордным стал 1995 год, когда у меня вышло не то 15, не то 17 книг. Главные — задачки и учебники для средней школы.

Сочинил много оригинальных задач (не одну сотню), публиковавшихся в разных журналах и участвовавших в разных олимпиадах. Можно сказать, вернулся в детство. (Высшее достижение — две небольшие книжки для 2-го класса.) Раньше было много «хоббей»: собирал книги, держал экзотических животных, был болельщиком, ходил на ипподром — в общем, много чего. Ну и конечно, и то самое, и это. Жил, зарабатывая репетиторством. Старался во всём, чем увлекался, быть профессионалом.

Регулярных контактов с кем-то с нашего курса, по сути, нет. Авторитетов не имею. Впрочем, в последние несколько лет увлёкся творчеством Бродского. С моей точки зрения, его жизнь — чуть ли не единственный известный мне пример нравственной безупречности среди современников. По большому счёту. «Те, кто не умирают — живут до шестидесяти, до семидесяти, бедствуют, строчат мемуары, путаются в ногах». Это про нас

сказал Бродский. (Трагедия русского поэта в эмиграции — английский вытесняет русский.)

Что сбылось? Вот, хотелось дожить до XXI века — это сбылось. Возможно, мог сделать больше, а может, наоборот, сделал больше, чем мог. В начале жизни есть много путей и выбор не всегда зависит от тебя. Много случайного. Я не верю тем, кто говорит, что, доведись ему, он вновь прожил бы такую же жизнь. Хочется ещё кое-что сделать. Долгов много накопилось. Успеть бы отдать.

С клёна падают листья ясеня... или Ностальгия по 37 году

Се вид Отечества, лубок...
Пускай Художник, паразит,
другой пейзаж изобразит.

Иосиф Бродский

Человек! Это звучит гордо!

*Из монолога Сатина
в пьесе Горького «На дне»*

Некогда в Никитском ботаническом саду можно было увидеть клён с табличкой: «Клён, посажен в 1937 году». В этом, 2002 году, тому клёну должно исполниться один миллион лет и один год. (Соответственно, в 2001 ему исполнился миллион.) А именно, 1 000 001 год. В двоичном исчислении. Чем не юбилей? Надеюсь, не посмертный.

1937-й год! Год, ставший символом эпохи. Им сегодня пугают маленьких детей в нашей стране: «Вот будете себя плохо вести, не слушаться дяденек-демократов не пить кока-колу, не учить английский, не заниматься бизнесом, тогда вернутся злые коммунисты и настанет 37-й год». И вообще, России как-то не везёт с 37-ми годами. Что произойдёт в 2037 году, кроме 200-летия со дня гибели Пушкина и 100-летия памятного 1937 года? Недавно по телевизору «говорил, ломая руки, краснобай и баламут», описанный ещё Высоцким (серьёзным учёным доступ на телевидение, как всегда, закрыт). Он утверждал, что примерно лет через 40 наступит что-то вроде конца света. Может, это как раз в 2037 году и произойдёт? Бог любит троицу.

Но не один клён был посажен 1937 году. В том же году (или немного раньше, или позднее) появилась на свет новая генерация людей, по сути, первое поколение Настоящих Советских людей. Потомки бедняков и богачей, аристократов и беспородных, героев и стукачей, русских и евреев, интеллигентов и разнорабочих, тюремщиков и узников. Стремительно

сменившие друг друга эпохи: революция, гражданская война, НЭП и, наконец, эпоха всеобщего единения, апофеозом которой стал 1937 год, как в гигантском тигле переплавили все эти разные и даже несовместимые материалы. Ничто так не объединяет людей, как общий страх, охвативший все слои: от рабочих и крестьян до министров и маршалов (страх этот в соответствии с законами природы возрастал по мере приближения к логову хищника-людоеда, но тем не менее многие стремились подобраться к этому логову поближе). Возникло новое этнографическое явление — Советский Народ. Был выведен новый вид млекопитающего: «*homo sovético*». Правда, к счастью или сожалению, вид этот оказался не очень жизнеспособен. И сегодня мы наблюдаем его постепенное вымирание.

Противоречивая генетическая информация, на основе которой селекционировался «*homo sovético*», и стала в результате причиной его саморазрушения. Возможно, процесс саморазрушения вида «*homo sovético*» начался одновременно с процессом его формирования. Нынче наше общество болеет тяжёлым психическим недугом. К маниакально-репрессивному психозу, от которого оно так и не излечилось (похоже, никогда и не излечится), добавились раздвоение личности (и не в традиционнo-национальном сочетании мании величия и комплекса неполноценности: «я — царь, я — раб», а на вульгарно-примитивном уровне социально-бытовых и идеологических рефлексов), расщепление сознания и нравственности (в результате оказался разрушенным общественный вестибулярный аппарат), а также тяжёлая наркотическая интоксикация молодого поколения. И это не может не отразиться на потомстве. Нет никакой уверенности, что на смену «*homo sovético*» не придёт и вовсе ужасный монстр, уже даже и не «*homo*».

И всё же, отбросим чрезмерный и не очень уместный сарказм, что за явление это — «советский человек»? Если мы попытаемся провести генетический и спектральный анализ поколения 1937 года, то сможем увидеть этот вид периода расцвета во всех его самых типичных и крайних проявлениях. А как можно провести этот анализ? Кто может достаточно полно и объективно написать биографию поколения? Более всего искажают историю именно очевидцы. И дело даже не в том, что годы стирают память, что-то важное исчезает, а на поверхность всплывает второстепенное. Очевидец способен исказить даже событие, случившееся пять минут назад. Ведь худшая из неправд — это частичная правда, правда взгляда с одного бока. (Я вижу чёрную козу, говорит он, забывая добавить, с правого бока.) Но знаем-то мы лишь эту, частичную правду.

Нынче все занялись воспоминаниями (возможно, это «нынче» охватывает всю историю цивилизации). Как говорится, «размемуарились». Когда нечего сказать, но очень хочется, пиши мемуары. «Другие по жи-

вому следу пройдут твой путь за пядью пядь...» Какая самоуверенность! Кому, на хрен, интересен твой путь? Тем более что путь этот из одних поражений и состоит. Или почти. Да и не скажешь ты всё равно всей правды. Даже под пыткой. Иная правда унижительна.

Однако. (Можно ли начинать абзац с этого слова и делать из него предложение?) Я пытаюсь понять смысл существования поколения 37-го года. Хотя бы потому, что сам к нему принадлежу. Зафиксировать этот «смысл» на бумаге. И не для потомков, а для самого себя. «Познай себя, и ты станешь...» Уже никем и не станешь, если до сих пор не стал чем-то. Главное — успеть отдать долги. Жизнь состоит из двух половин. В первой половине мы живём в долг, а во второй — отдаём долги. Но отдаём их совсем не тем, у кого занимали. Занимали у отцов и матерей, отдаём детям и внукам, занимали у учителей, отдаём ученикам. Давид Самойлов как-то воскликнул: «Благодарю своих учителей за то, что я не многим им обязан». (Он же добавляет: «Не доверяй ученикам, они испортят дело».) Лучшей похвалы в адрес учителя придумать трудно. Учителя Самойлова выполнили свой учительский долг. «Не навреди». «Выяви суть». «Уйди вовремя».

Поколение 1937 года — уходящая натура. Постепенно, какими-то неровными скачками рedeют наши ряды. Мы стареем. «Здравствуй, моё старение», — воскликнул молодой Бродский. «А у старения есть и положительные стороны», — говорим мы. Например, ноги перестали потеть и не так воняют. Но ещё хочется чего-то, хочется хотеть. По весне ухаживаешь за дамами, в душе надеясь получить решительный отказ. Начинаешь писать. И понимаешь, что за поколение ты выдаёшь ε-окрестность самого себя.

И всё же... Детство моего поколения было озарено всполохом Великой Войны. Эта война задала поначалу и основной вектор развития. Не слишком сытые, учились мы с удовольствием. Пища духовная с успехом компенсировала нехватку пищи физической. Окончание школы почти совпало со смертью Большого Тирана. Правда, о том, что умер именно Тиран, узнали мы гораздо позднее. А в тот момент многие искренне, как и я, плакали. Дальше просто: институт-университет, работа... Жизнь протекала в трёх измерениях: профессия, водка и анекдот. Было ещё и четвёртое — любовь. Но об этом, прикрываясь маской цинизма, мы не любили говорить. Вернее всё же сказать, цинизм был не маской, но защитной раковинной, в которой пряталось тело сентиментального моллюска-интеллигента.

Нынче мы на каждом шагу сталкиваемся с маской цинизма. На сей раз это именно маска, пытающаяся скрыть лицо истинного циника. Волку на маскараде, чтобы скрыть свою сущность, лучше всего одеть маску вол-

ка. Нелепо благородному рыцарю маскироваться рыцарскими доспехами. Плюс на плюс в жизни может дать минус.

Конечно, были и другие интересы: спорт, искусство. Что касается искусства, то интересовались всем: литературой, живописью, музыкой. «Советский народ — самый читающий народ в мире» — это про нас. Помнится странный диспут, наверняка санкционированный Высшим Руководством, — «физики и лирики». Диспут был явно надуман. Настоящие лирики, знатоки искусств были как раз среди математиков и физиков. Хочешь знать литературу — иди на мехмат. Но искусство, литература образовывали некую общую атмосферу. Конкретными же координатами были отмеченные три. Именно в этих трёх измерениях наиболее полно фокусировались и отражались процессы, приведшие к разрушению Советского Союза.

Военное и научное развитие страны некоторое время после смерти Сталина продолжалось по инерции. Система, выстроенная при нём, ещё продолжала работать и развиваться. Напрашивается забавная аналогия. Научные успехи Советского государства базировались на достижениях России царской. Научное развитие Советского Союза в послесталинский период основывалось на системе, созданной Главным учёным всех времён и народов. И лишь через десяток лет, когда Советский Союз преодолел пик своего научно-профессионального развития, началась профессиональная деградация интеллектуальной элиты, что и стало одной из главных причин развала Советского Союза.

Профессиональные дилетанты

Дайте мне «Мою семью»!

Из современной телевизионной рекламы

«Кадры решают всё», — говаривал Вожьд Всех Народов. И этой заповеди верно следовал цепной пёс (приклеивая этот ярлык, я лишь следую сложившейся терминологии) Берия, создавая военно-промышленный комплекс. При этом он даже изредка нарушал другие важнейшие заповеди: «Незаменимых людей нет» и «Нет человека — нет проблем». Профессионализм мог стать охранной грамотой, если, конечно, он относился к соответствующей, полезной для советского государства, сфере деятельности. После смерти наводившего ужас хозяина, челядь, как и положено, быстро осмелела и даже обнаглела. Но страх засел в генах.

Надо было выстроить систему безопасности для самих себя. Репрессивные устремления «органов» были ограничены сверху. Единственным критерием отбора на верхних этажах власти стала личная преданность.

А кто может быть более предан лично тебе, чем твои родственники? Старый Хозяин не признавал даже самые близкие родственные связи. Новые признавали только такие. Но всякое общество выстраивается сверху вниз по принципу самоподобия. Пробриться наверх только за счёт высокого профессионализма стало почти невозможно.

«Нет, внучек, маршалом ты не станешь, у маршала свои внуки есть», — так отвечал на вопрос внука старый генерал из известного анекдота. Страна подобно феодальному княжеству разделилась на семейные кланы. «Не имей сто рублей, а женись как Аджубей» — таков был девиз для тех, кто хотел сделать карьеру. Если вы по молодости лет не знаете, поясню: журналист Аджубей, женившись на дочери Хрущёва Раде, в мгновение ока стал редактором «Известий» и одним из самых влиятельных людей страны. Его ещё прозвали «околорадский жук». Справедливости ради (или Рады) следует заметить, что Аджубей был определённо талантливым человеком, чего не скажешь об абсолютном большинстве марьяжных карьеристов. Так что если говорить о таком явлении, как «семья», то появилось оно ещё при Хрущёве, развилось при Брежневе и доведено до крайности уже при Ельцине. Преемственность заметна.

Семейно-клановый строй, возникший в стране, не соответствовал основной форме собственности. Власть, должность, а с ними и роскошная жизнь могли быть в один миг утеряны. Да и по наследству они плохо передавались (генерал из анекдота выдавал желаемое за действительное), особенно если наследники были бесталанны. Дядюшка Джо оставил после себя из личного имущества лишь галифе да трубку. Всё остальное принадлежало государству, к коему и отошло. Новые хозяева, наученные горьким опытом старой номенклатуры, накопили изрядные богатства. Но как их сохранить? Нужна была частная собственность как гарантия незаблемости лично-кланового благополучия. А значит, надо было менять государственное устройство.

Другим, и основным, способом сделать карьеру было вступление в партию. «Для чего, Вася, ты вступил в партию?» — приставали друзья к приятелю. «Я вступил в партию для карьеры», — отшучивался Вася. «Ой, врёшь, Вася, ты вступил в партию для карьеры!» Партийность также являлась хорошим средством реализовать себя вне профессии.

При этом новые партийцы практически полностью отказались от нравственных принципов, которые свято соблюдали представители старой гвардии. Возродилась почти забытая (и даже почти невозможная) в сталинскую эпоху традиционная российская взятка. Взятка в сочетании с партийностью стала необычайно эффективным способом для карьерных скачков. Борьба с партийными взяточниками велась, но имела

своеобразный характер. Для каждой должности были свои расценки (в южных республиках, говорят, вплоть до секретаря обкома), для каждого уровня своя норма. Самым страшным преступлением было взять не по рангу. Некоторые принципиальные партийцы даже пытались платить (а может, и платили) партвзносы со взяток. Это, конечно, также не способствовало повышению профессиональной квалификации кадров.

Впоследствии, когда наступила перестройка, члены партии смогли сделать очередной карьерный рывок, торжественно выйдя из партии. (Дошло даже до публичного сожжения партбилета по телевидению.) По сути, они использовали партию дважды, вступив в неё и выйдя из неё. Коммунисты ещё раз доказали, что партия была и остаётся передовым отрядом нашего общества. И когда кто-то говорит, что после развала Союза благодаря свободе и рынку все мы получили равные возможности, хочется сказать: «О каких равных возможностях вы говорите, если один бегун стартовал на круг впереди другого, да к тому же он молод и полон сил, а его соперник уже стар и ещё не отдышался от изнурительного марафона по жизни?» И даже хуже, когда был дан знак для массового старта, выяснилось, что призовой фонд уже весь разворован.

Забавно, что все эти карьерные партийцы, отрёкшись от партии, не отказались ни от должностей, полученных благодаря партии, ни от наград, ни от учёных степеней. Правы были старые партийные бонзы, направляя своих сынков и внуков по научной стезе. Научное звание не отнимут. И проводят у нас сегодня рыночные реформы крупные учёные, защитившие диссертации, в которых доказывали преимущества колхозного земледелия перед фермерским и плановой экономики перед рыночной. Профессиональные дилетанты, воспитанные советской властью, порождённые ею (здесь я имею в виду также небольшую категорию людей, о которой скажу в следующем абзаце), встали у руля Новой Страны и приступили к систематическому грабежу, в коем всё же проявили истинный профессионализм.

Ещё об одном мелком, но забавном явлении, развившемся в эпоху застоя, следует сказать. Речь идёт о движении диссидентов, т. е. инакомыслящих. У диссидентов было две точки опоры, две ноги: одна на Западе, точнее в США, а другая — в Союзе, в КГБ. С точки зрения КГБ, если бы диссидентов не было, то их стоило бы придумать. Возможно, так оно и было. С исчезновением «врагов народа» огромная армия «специалистов» оказалась не у дел. Представьте себе, у вас имеется свора свирепых псов. Ведь её надо держать в боевой форме, на ком-то тренировать. Наконец, хорошо кормить. А с другой стороны, большая часть диссидентов подкармливалась с Запада, была ориентирована на

эмиграцию. И участие в диссидентском движении было удобным способом набрать очки, чтобы получить хорошие позиции после эмиграции.

Самые удачливые добились высылки. Но таких было всего несколько. (Были, конечно, и исключения. Ярчайшим является гениальный Бродский.) Диссидентство для большинства инакомыслящих было чуть ли не единственным средством добиться определённого жизненного успеха, поскольку среди них были в основном люди, не достигшие больших успехов в своей профессиональной деятельности или не сумевшие сделать карьеру иным, более стандартным путём. Помню одного начинающего учёного, который не был принят в партию, после чего пошёл в диссиденты и эмигрировал. В самом КГБ проблемами диссидентов занималась большая армия работников, далеко не высшего сорта. (Специалисты занимались внешней разведкой, ловили настоящих шпионов, раскрывали шифры.) Возник своеобразный симбиоз — одна категория непрофессионалов оправдывала существование другой. При этом, подобно тому, как это нередко бывает в природе, когда один из симбиотической пары является хищником, сосуществование это было не бесконфликтным. Но, повторяю, диссиденты и КГБ были нужны друг другу. А также Западу, который имел уникальную возможность за гроши разрушать изнутри своего основного стратегического конкурента.

И сегодня, когда вчерашние диссиденты приезжают к нам «оттуда» в роли духовных пастырей, поучают с экранов телевизоров и газетных страниц, как нам жить, принимают премии от восторженной демократической общественности и лобызаются с властью, когда престарелый и негибачаемый лидер Хельсинкской группы сгибается в подобострастном поклоне перед полковником КГБ, я не удивляюсь, а говорю: что и требовалось доказать.

А как мы пили молодыми

Всем погибшим в неравной схватке с Зелёным Змием

Борьба с пьянством стала ещё одной причиной разрушения советской власти. Мудрый вождь, обладавший абсолютной властью, всё же понимал: нельзя замахиваться на святое. И его наследники первое время не занимались борьбой с пьянством. Ну, вводили ограничения на продажу: лишь с одиннадцати утра и до семи вечера. Так это только раззадорило пьющую публику. Любой профессиональный алкаш знал, как, где и за сколько можно достать водку в любое время суток. Ну, цены повышали. Народ кряхтел, но держался. Многим пьющим даже удавалось и до семьи что-то донести из полочки.

Алкогольная политика в России — важнейший инструмент идеологического и экономического управления страной. Здесь важно найти оптимальный режим. Слишком закрутишь гайку — может взорваться котёл. Полностью откроешь клапан — выйдет весь пар и механизм перестанет работать. Разрушая семейный бюджет, пьяницы наполняли доходную часть бюджета государственного. «Что будет, если все пьяницы Союза в течение хотя бы недели откажутся от выпивки?» — спрашивал стоящую вокруг молодёжь опытный пьяница, выпив стакан водки. И сам же отвечал: «Страна развалится!» И поэтому, когда во второй половине 1980-х годов началась безумная антиалкогольная кампания, я понял: это — всё, это — агония режима. Создалась революционная ситуация, но в иной модификации. Весь народ, и верхи и низы, сплотился против непьющей кучки высших руководителей страны.

Да, конечно, недовольство пьющих народных масс постепенно росло. За 15 лет, предшествовавших началу антиалкогольной кампании, цены на водку выросли многократно по сравнению с началом 1970-х годов, когда цены стабилизировались на отметке 2 р. 87 коп. за пол-литра и 1 р. 49 коп. за четвертинку. Это был период расцвета. «Мне 2,87 и одну копейку в рыбный». (Это за кильки.) Такую просьбу в кассе можно было рассматривать как претензию на остроумие. В математическом фольклоре появились даже соответствующие задачи. Например. Большая селёдка и маленькая вместе стоят 2 рубля. Сколько стоит большая селёдка? (Ответ: большая селёдка стоит 51 копейку. Понятно, почему?) Кто-то заметил, что $1,49^{2,87} = \pi$ с большой точностью. Это ли не является доказательством сбалансированности советской экономики того периода? Пол-литра стало основной и вполне свободно конвертируемой валютой в стране. Во всяком случае на бытовом уровне. Старички и старушки с их помощью поддерживали своё существование, расплачиваясь за услуги сантехников или даже подторговывая.

Вообще феномен российско-советского пьянства весьма интересен и ещё ждёт своего исследователя. Но, боюсь, так и не дожждётся. Очень точно и сдержанно показан этот феномен в творчестве Высоцкого. Но это поэзия. Принято рассматривать произведение В. Ерофеева «Москва — Петушки» чуть ли не как энциклопедию советского пьянства периода застоя (запоя, застолья или чего ещё). На мой взгляд, это неплохая, но поверхностная и вредная зарисовка (а вот повесть Виля Липатова «Серая мышь» следовало бы изучать в школе), сделанная человеком, для которого пьянство — некая разновидность спорта, развлечение. Человеком, ещё не нырнувшим в его страшные глубины, из которых редко кто возвращается живым и в здравом уме. А уж тех, кто смог прожить долгую жизнь, оставаясь на высоком уровне в пьянстве и профессии,

и вовсе единицы. Я знаю лишь одного. Конечно, пьянство не есть чисто российское явление. На Западе также пьют. Прочитайте хотя бы повесть Стейнбека «Квартал Тортилья-Флэт» (и сравните с повестью «Москва—Петушки»). Прекрасное произведение и не вредное для нашего читателя, поскольку всё происходящее в повести воспринимается как некая сказка.

И всё же есть существенная разница между тем, как пьют на Западе, и тем, как пьют в России. Главное состоит в том, что на Западе пьют малыми дозами и с удовольствием. В России стаканами, но с отвращением. На Руси пили всегда. Достижением советской власти можно считать интеллигентное, а вернее, интеллигентское пьянство, а ещё точнее, пьянство научно-технической интеллигенции, поскольку артисты и писатели пили издавна и помногу. Для советского интеллигента пьянство стало способом внутренней эмиграции. Здесь можно выделить несколько стадий.

Обычно интеллигентское пьянство начинается на студенческой скамье как забава, бравада, демонстрация сил, которых в избытке, а девать некуда, с шутками и приколами. Для выпивки нужен повод? Великолепно! Покупаем шнурки. Вот и повод. Покупку нужно обмыть. Или обратная ситуация. Купили в общежитии новый радиоприёмник. Опять же, покупку надо обмыть. Обмыли. Не хватило выпивки, а денег нет. Загнали тот же приёмник за треть цены и продолжили пьянку-гулянку. Студенты математики придумали понятие «производная от пьянки». Под этим термином понималась стоимость оставшейся пустой посуды. Пьянка считалась «существенной», если её четвёртая производная была положительной.

Взрослеем. Пошли на работу. Денег не прибавилось. Основным видом общения и питья становится в те годы знаменитое «на троих». И вовсе не из-за недостатка общедоступных питейных заведений. Вопреки законам математики бутылка водки легче всего делилась на три равные части. Появилось понятие «строить». Впрочем, многие считают, что его придумал Владимир Владимирович (Маяковский). Помните его строку: «Я с теми, кто вышел строить». Притягиваемые друг к другу особым запахом, три личности мужского пола, как мотыльки, сходились в некоей точке магазина, и один из них произносил сакраментальное чапаевское: «По рублю!» Или же другой вариант. Входя в магазин, жаждущий намётанным взглядом находил одиноко стоящего человека, державшего напоказ два пальца. Он молча становился рядом, уже показывая один палец. Вскоре появлялся и третий приятель. Зачастую тут же подсказывал и четвёртый, но заметив, что является лишним, спокойно занимал освободившуюся позицию и поднимал руку, демонстрируя два пальца.

Далее события развивались обычным путём. Запасшаяся единицей горячего, наша тройка находила в ближайшем сквере «стаканодержателя». Этот человек выдавал напрокат стакан, за что получал пустую